

ОДНАЖДЫ писателя Вениамина Каверина спросили: «Как вы считаете, можно ли изменить мир с помощью искусства?». Писатель ответил: «Изменить устройство мира нельзя, но без искусства невозможно устроить жизнь».

Книги самого Каверина помогают «устроить жизнь», «устроить» свой внутренний мир не одному поколению советских читателей. Насколько беднее были бы наше детство и юность, если бы не было его «Двух капитанов» — романтической книги о мужестве, о любви, о преданности, противостоящей злу, предательству и обману!

Не так давно Каверину исполнилось 80 лет. Эта долгая жизнь оказалась очень плодотворной для литературы. Его произведения — трилогия «Открытая книга», роман в письмах «Перед зеркалом», «Освещенные окна», повести «Двухчасовая прогулка», «Семь пар нечистых», «Кусок стекла» отображают жизнь во всей ее сложности, порой рассказывают о трагических судьбах, но все эти книги неизменно отличает одно — атмосфера благородства и чистоты помыслов, неуклонное стремление героев к истине, к осуществлению своих идеалов.

Большую часть времени Каверин проводит у себя на даче, в писательском поселке Переделкино (под Москвой). Ежедневно работает в первой половине дня, а потом читает, ведет оживленную переписку со своими читателями. Отлично владея ан-

глийским и арабским языками, писатель, окончивший в свое время филологический факультет Ленинградского университета и Институт восточных языков, со многими произведениями зарубежных авторов знакомится в оригинале.

дило другим. Совесть означает верность самому себе, взвешивая на любые испытания... «Совесть, — писал в одной из своих работ Каверин, — всегда была душой русской литературы». Я прошу его развить этот тезис.

— Насколько я могу су-

трудая вы, Вениамин Александрович, уделяете воспоминаниям. Вы рассказали читателям о Владимире Маяковском, Николае Тихонове, Михаиле Зощенко, Павле Антоскольском. Какую задачу вы ставили перед собой, работая в этом жанре?

впервые опубликован роман Булгакова «Жизнь господина де Мольера».

— Легче ли сейчас работать, имея за плечами такой огромный опыт?

— Трудно ответить на этот вопрос. Сейчас я пишу новую книгу и точно так же, как и в

ют. Они не устают учить людей с самого детства сострадания, сочувствия.

У меня есть целая серия сказок, в том числе книга «Ночной сторож, или Семь занимательных историй, рассказанных в городе Немухине в тысяча девятьсот неизвестном году». Она только что в прекрасном оформлении вышла в издательстве «Детская литература».

— О ЧЕМ вы пишете сейчас?

— После сказочной повести «Верлиока», которую я писал с большим удовольствием — это был труд и отдых, — я вернулся к более сложному жанру — психологическому роману. Его действие происходит в годы Великой Отечественной войны. Недавно я слышал мнение Курта Воннегута о том, что он хотел бы прочитать спокойный русский роман о войне. Вот я и задумал такую вещь, в которой было бы видно, что во время войны люди так же любили, расставались, ревновали... Но все это было обострено смертельной опасностью, окрашено необходимостью победы. Это произведение во многом автобиографично. Действительно происходившие со мной события я пронизал вымышленным сюжетом, но так, чтобы не повредить правдивости повествования. Это роман о фронте и тыле, о многозначном проявлении такого страшного события, как война.

— В начале 1982 года журнал «Новый мир» опубликовал вашу новую сказку «Верлиока». Чем объясняется ваша склонность к аллегории, сказке?

— Я ведь и начинал с фантастических произведений. Этот вид литературы, поднимаясь над повседневностью, облекает вечные темы добра и зла в форму, доступную и взрослым, и детям. Путь к читателю этой литературы облегчен потому еще, что у каждого живет в душе стремление к какой-то тайне, волшебству. Не случайно ведь сказки Перро, Андерсена не умира-

ВЕНИАМИН КАВЕРИН: «СОВЕСТЬ ВСЕГДА БЫЛА ДУШОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Я встретила с Кавериним незадолго до его юбилея. Годы оказались милостивы к нему: он легко движется, сохраняя почти юношескую худощавость, и весь его облик — человека мягкого, деликатного, но непреклонного в своих убеждениях — олицетворяет наше представление об истинном интеллигенте.

Тема русской интеллигенции красной нитью проходит и через его книги. Почему?

— Эта тема, — говорит писатель, — мне наиболее близка, как и интересы русской интеллигенции. Я не могу писать о том, чего не знаю, а это мое, кровное.

— ЧТО ЖЕ, на ваш взгляд, отличает русского интеллигента в истинном понимании этого слова?

— Совесть. Для меня это главная черта. Она порождает бережное отношение друг к другу, стремление поступать так, чтобы это не повре-

дить за свою долгую жизнь, — говорит мой собеседник, — русская литература отличается от других тем, что она всегда апеллировала к духовному началу. Русским писателям меньше присуща занимательность сюжета, но обязательно — стремление передать читателю то высшее, чем он живет сам, на что он способен, на что уходят силы его души.

— Чему вы стремитесь прежде всего научить читателя?

— Это может показаться банальным, но я всегда мечтал научить людей мужеству. Я считаю, что это основная черта, которой должен гордиться человек. Стараюсь также внушить читателю мысль о том, что надо думать не о себе, а о других. Это не христианская проповедь, не Новый завет. Это завет вечный.

— Много места в своих

— В последнее время мы все чаще обращаемся к писателям, которых уже нет с нами. Страницы недавней литературной истории заставляют о многом задуматься. Это — не бесцельное оглядывание назад. Движение вперед невозможно без верной карты, запечатлевшей достаточно полно и прошлое, и настоящее.

К тому же в нашей литературе есть и огорчающая меня черта: забыты многие имена хороших писателей — и классиков, и наших современников. Такая забывчивость кажется мне недостатком, который я по мере сил пытаюсь исправить...

К этим словам Каверина необходимо добавить, что он был одним из тех, кто ратовал за возвращение в литературу имени Михаила Булгакова. По его рекомендации в популярной серии «Жизнь замечательных людей» был